

**РУШЕЛЬ
БЛАВО**

**ДИАГНОЗ:
ОДИНОЧЕСТВО**

12+

Рушель Блаво

Диагноз: одиночество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63089277

SelfPub; 2020

Аннотация

Люди с рождения мечтают об успехе. Но ведь мы неодинаковы. Существует ли универсальная успешность? Рушель Блаво убеждён: нет! Говоря об успехе, нужно учитывать гендерный аспект; есть успех мужчины и успех женщины. Людям разных полов не надо соревноваться. Для достижения успеха и мужчине, и женщине как база нужен союз с человеком противоположного пола. Вместе мужчина и женщина добьются всего; порознь наживут невроты, фобии, навязчивости. Перед вами роман-притча о людях, диагноз которых – одиночество. За их жизненным неуспехом, чувством потерянности, страхами стоит не что иное, как отсутствие пары, семьи. Один в поле не воин! Счастье есть, и желания исполняются, но сначала нужно победить диагноз "одиночество".

Содержание

От автора	4
Удачливый Василий	6
Не-лиса Алиса	25
3 года назад	35
Перед Новым годом	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рушель Блаво

Диагноз: одиночество

От автора

Дорогие мои читатели!

Эта книга – об одиночестве и его преодолении, о поисках любви и гармонии, о том, что каждый в жизни должен играть свою роль и не замахиваться на роль чужую.

Мужчина и женщина – созданы, чтобы взаимодополнять друг друга, а не чтобы друг с другом конкурировать. Многие мужчины мечтают о самореализации, богатстве, но ни то, ни другое не идет им в руки. Почему? Да потому что на самом деле не для кого им самореализовываться, не для кого богатеть. Только союз с женщиной, которую ощущаешь как свою, только ее энергия, которая передается особым образом через отношения и трансформируется в энергию претворения и изобилия, может поднять мужчину над землей, дать ему возможность воспарить, отдаться любимому делу, быть креативным, делать деньги из всего, что попадется ему в руки, а порой – и из воздуха.

Многие женщины хотели бы быть обеспеченными. Они получают разные дипломы, проходят стажировки, работают, не покладая рук... Проходит время, увядает их красота, не

складывается личная жизнь... и вот они понимают, что им все равно не угнаться за коллегами-мужчинами, что всех денег не заработаешь, что жизнь просочилась сквозь пальцы, что они так ничего от нее не получили... Я всегда говорю своим ученицам: дорогие мои, зачем вам вся эта ерунда? Вы женщины, и ваша задача – найти и вдохновить на свершения ради вас вашего мужчину, а не состязаться с чужими мужчинами, не мериться с ними интеллектом и образованием.

Я расскажу вам историю из собственной практики, которая разворачивалась на моих глазах. Я поддерживал и консультировал ее героев. Их имена, разумеется, мною изменены. Но все обстоятельства, о которых вы читаете в книге, – подлинные.

Надеюсь, что чтение будет интересным, а главное – поучительным для вас.

Можете задавать мне любые вопросы, я готов консультировать и вас – чтобы вы нашли себя, построили свое счастье, преодолели синдром одиночества, а также синдромы безденежья, психологической зависимости от родственников, синдромы дурнушек и неудачников.

Ваш доктор Рушель Блаво

Удачливый Василий

– Василий Фёдорович, вы уже получили зарплату? – улыбочивая, симпатичная фотограф Юля – новичок в фирме. Может быть, поэтому она – единственная, кто пока замечает Василия. Наверное, если бы не Юля, он и про зарплату бы сегодня не узнал.

– Нет, я и не знал, а что, уже дают? Что-то рано сегодня. Спасибо, Юлечка! Пошёл за зарплатой.

Не успел Василий закрыть за собой дверь, как девушки решили просветить новенькую на его счёт:

– Юлька, да не обращай ты внимания на нашего Васю, – толку не будет, – изрекла Надежда, не отрываясь от экрана монитора. Василий устало прислонился к стене за неплотно прикрытой дверью. Нет, он не хотел подслушивать – ему было заранее известно, что думают о нём коллеги, но... всё-таки в глубине души Василий надеялся: может быть кто-нибудь, ну вот хотя бы та же Юля, уважает его... Ведь он не сделал никому ничего плохого, не сделал ничего того, за что можно человека не уважать!

– Да жалко же, девчонки! Молодой мужик, здоровый вроде, а так скучно живёт! Получает копейки, а делает и того меньше, – целыми днями джинсы протирает да в стрелялки сам с собой режется, как третьеклассник недоразвитый! – вот сравнение с недоразвитым третьеклассником Василия

задело не на шутку. А ему ещё эта Юлька казалась симпатичной! Сама целыми днями носится по городу с фотоаппаратом, в офис только и заглядывает за зарплатой, а как начнут деньги на карточки переводить, так, верно, и вообще появляться перестанет. Он, видишь ли, в стрелялки режется! А она откуда знает? И чем сама целыми днями занята? А зарплата у неё в два раза больше, чем у него, хотя она ещё институт не закончила.

– Да, Вася у нас такой. Чай будешь? Я печенюшек напекла, – Галина постоянно что-то жуёт и вся клавиатура у неё вечно в крошках. Но печёт она знатно и всех угощает щедро. – Васе как будто и так хорошо, и не надо ничего.

– Галь, да как же не надо, когда молодой здоровый мужик сидит в офисе за пятнадцать тысяч рублей!

– Ну, Юля, не в деньгах счастье. Есть учителя, которые тоже пятнадцать получают, есть... учёные там, вот у моей подруги муж – искусствовед, так он...

– Получает пятнадцать тысяч? И как твоей подруге с ним живётся?

– Нет, не пятнадцать, конечно. Он подрабатывает, преподаёт где-то, они всё время путешествуют – он составляет индивидуальные туры, так желающих поехать с ним полно находится.

– Вот видишь! И учителя, о которых ты говоришь, тоже вряд ли так вот скучают.

– Да естественно, не скучают, – Надя вечно знает ответ на

любой вопрос, самая умная наша. Такие женщины особенно раздражали Василия. Когда Надежда впервые появилась в их офисе, её яркая внешность произвела на Василия впечатление, он даже попытался поухаживать за красоткой, да только Надя его в принципе не заметила. Воспоминания ещё больше испортили настроение. Василию надо было бы уйти, получить наконец свою зарплату, а не слушать про неё, но какое-то странное болезненное чувство точно привязало его к этой стене у приоткрытой двери.

– Человек работает, потому что находит для себя что-то ценное в своей работе, – продолжала Надежда. – Может быть, ему интересно, может быть, он на работе отдыхает от семьи. У меня соседка, ей деньги не нужны, у неё муж отлично зарабатывает, так она ходит в свою библиотеку, чтобы дома с мелкими не сидеть, а в библиотеке с девчонками тусоваться да книжки читать.

– А сколько у неё детей?

– Трое, они с няней.

– Тогда понятно. А у Васи что, тоже трое мелких с няней и жена много зарабатывает?

– Нет, тут всё гораздо хуже!

Девушки зашушукались, а Василий отправился в бухгалтерию.

Телефонный звонок прозвучал ночью. В такое время психотерапевта тревожат либо отчаявшиеся пациенты, которые нуждаются в срочной помощи, либо... Я сразу понял, что имею дело с другим случаем. Во-первых, незнакомый номер – пусть и не наверняка, но очень возможно, это указывает на то, что я с человеком незнаком, а значит, его ночной звонок – вряд ли сигнал бедствия. Во-вторых, мой собеседник старался говорить как можно тише. И постарался свернуть разговор как можно быстрее, – записался на приём, но не пожелал ничего сообщить о себе. Правда, за поздний звонок извинился. По телефону я почувствовал беспокойство своего собеседника, неуверенность в том, что он поступает правильно, и страх, что его услышат. Возможно, он опасался разбудить спящего ребёнка... Возможно, но маловероятно, и вот почему: отец маленького ребёнка мог бояться его разбудить, но он не стал бы бояться самого ребёнка. В данном же случае для меня было очевидно: мой собеседник боится того, что кто-то узнает о его звонке, боится другого человека.

Записался Василий на приём в середине рабочего дня. Так как заранее он ничего не сообщил о себе, я ожидал увидеть человека, не обременённого офисной зависимостью – мужчины не любят отпрашиваться со службы из-за посещения

психотерапевта. Ждал ли человека творческой специальности? Нет, признаюсь, мыслей об искусстве телефонный разговор с Василием мне не навеял. Но увидев сутулого рыхловатого мужичка с мешками под глазами, с беспомощной улыбкой, в каком-то старомодном коричневатом пиджачке и обносившихся джинсах.

– Здравствуйте, прошу вас, проходите, – я старался подбодрить словно застрявшего в дверях мужчину.

– Здравствуйте, – пациент наконец добрался до стола и уместился на краешке стула. Я не собирался задавать вопросы, чтобы не давить на него. Я уже видел многое: передо мной сидел человек забитый, испуганный непривычностью ситуации, в которой он оказался, то есть сама эта ситуация для него – сильный стресс. Мои вопросы могут вызвать сопротивление – сейчас мой клиент готов защищаться от кого и от чего угодно. Моя же задача – дать ему возможность успокоиться, привыкнуть к ситуации и принять её. Только после этого будет возможна плодотворная работа.

Пока мой пациент мялся, собираясь с духом, я наблюдал за ним, изучал его мимику, жесты, пытался определить цель его прихода и то, какую историю он мне преподнесёт, а я уже понял, что изначально история эта будет вымышленной.

– Меня зовут Василий, – примечательно, что пациент не поздоровался со мной, хотя хамом совсем не выглядел, да и, записываясь на приём, не забыл извиниться за поздний звонок. Он явно спешил, чтобы не дать себе возможности к

отступлению, ведь после «здравствуйте» всегда можно сказать «до свидания», и Василий боялся этого. – Я работаю искусствоведом, и очень люблю свою работу, я ей увлечён по-настоящему! Я жить не могу без неё, доктор, понимаете? – Однако с артистизмом у Василия дела обстоят не лучшим образом, – глаза фанатическим блеском не зажглись. То, что Василий фантазирует, я понял сразу по многим признакам. Так, Василий столь настойчиво убеждал меня в том, что он предан своей работе, что тут не надо быть психотерапевтом, чтобы усомниться. Да и не походил он на искусствоведа – обычно люди этой специальности выглядят стильно, – интерес к искусству не может не отразиться на личном вкусе. И уж точно не выглядят пыльными, как Василий. Но моя задача сейчас – дать Василию возможность высказаться. Только так я смогу ему помочь.

– Вы – искусствовед и любите свою работу. Продолжайте, пожалуйста.

– Да, я по-настоящему предан делу, которому служу, – ага, на штампы человек переходит, когда самому ему сказать нечего. – Из-за любви к искусству я отказался от семьи – никакая женщина не захочет жить на зарплату искусствоведа, – Василий снова надолго замолчал.

– Прошу вас, продолжайте.

– Я горжусь своей работой, меня уважают как прекрасного специалиста, мои открытия в науке известны всему миру...

Я слушал фантазии Василия и понимал, что одна из его

проблем, – кончик ниточки, потянув за которую, мы размотаем весь клубок, – вовсе не то, что он пытается мне представить: не зарплата и не отсутствие семьи. То есть, конечно, и это проблемы наверняка имеются, но, по-видимому, они вторичны по отношению к чему-то более глубокому. Если получится докопаться до корня, то их решение – не за горами.

Мне очевидно, что Василий отнюдь не так горячо любит свою работу, как рассказывает мне, а скорее всего, не любит её вовсе. Иначе зачем бы ему её скрывать и называть себя искусствоведем? Он представляет себя жертвой ради науки, говорит о всеобщем уважении, стараясь таким образом заставить меня уважать его. Рассказ Василия – по сути то, что психологи называют защитным механизмом: он отрицает реальность – скучную работу, отсутствие уважения, и отрицание замещается фантазией, в которой Василий – учёный с большой буквы, имеющий имя мирового значения и безусловное уважение в кругах людей искусства и науки. Каждый человек должен уважать себя, иначе его гармоничный мир разваливается на части. Уважение окружающих обязательно для самоуважения, а для таких людей, как Василий, явно не самодостаточных, это особенно актуально.

Итак, первая проблема – работа и уважение окружающих. Василий, расскажите, пожалуйста, что побудило вас обратиться ко мне?

Я видел в книжном магазине вашу книгу "Диагноз, лю-

бовь, вот и подумал, что не просто практикующий врач-психотерапевт, но ещё и писатель и сможете мне помочь.

Спасибо. Получается, что вы давно думали о визите к психотерапевту?

Я не думал, но... да, наверное, вы правы. Но я только на днях понял, что прийду.

Расскажите мне всё, что можете вспомнить о последних днях перед звонком ко мне. Давайте начнём с того дня, когда вы позвонили, и постепенно пойдём назад, в прошлое.

Василий сам не заметил, как рассказал о подслушанном разговоре, так мне открылось происхождение мифического искусствоведа. А ещё всё оказалось очень печально: работа, не приносящая абсолютно никакого удовлетворения и в течении многих лет угнетённое самолюбие. Только этого достаточно для того, чтобы жизнь стала для мужчины беспросветной, а ведь мне было ясно: корни проблемы Василия лежат намного глубже. Ну что ж, кончик ниточки показался, теперь, глядишь, размотаем весь клубок, только спешить нельзя: неловко дёрнешь, и ниточка оборвётся.

* * *

Вася плывёт, с наслаждением отгалкиваясь ногами от густой водной синевы, ласково разводит её руками, счастливо смеётся золотистым солнечным бликам на поверхности... Васе двенадцать лет, плавать его научил отец пять лет назад,

незадолго перед гибелью. Погиб нелепо, глупо – выпил, как он считал, совсем малость, да ему хватило, чтобы сверзиться в пропасть на своём жигулёнке, не среагировав на поворот горного серпантина в Крыму. Нелепая смерть, а мама говорила, что и жизнь была нелепой, а самым нелепым поступком, по её словам, было научить Васю плавать. Хотя, когда отец учил, она радовалась. Она тогда вообще больше радовалась и не говорила про нелепую жизнь.

– Вася, поворачивай! Поворачивай! Плыви назад! – кричит мама. И мальчишка покорно поворачивает, ведь мама волнуется. После смерти отца она не может отпустить Васю от себя ни на шаг. Ему жалко мать, и он поворачивает.

– Мама, – Вася подходит к маме, а она положила на лицо широкополую пляжную шляпу – от солнца бережётся и на Васю не смотрит, – я даже до буйка не доплыл! Я же хорошо плаваю! Мама! – мама не реагирует. Через пять минут она пошлёт его в тень, чтобы не сгорел на солнце, а купаться разрешит только завтра – она не любит, когда Вася купается.

Почему-то сегодня по дороге с работы Васе вспомнилась именно эта сценка двадцатипятилетней давности. Ему уже не двенадцать, ему тридцать семь, а он и сейчас не может позволить себе доплыть до буйка, потому что мама волнуется. Пару лет назад его отпуск они с мамой провели на море в Турции – зарплаты, отпускных и маминой пенсии хватило на две недорогие путёвки. И каждый раз, когда Вася заходил в воду, мама поднималась и орлиным взором пронзала

морские просторы. Как только Василий проплывал половину расстояния до буйка, до него долетал памятный с детства вопль:

– Вася, поворачивай! Поворачивай! Плыви назад!

Васе было уже не двенадцать, он ждал крика матери и не чувствовал счастья от встречи с морем, о которой так мечтал.

По дороге с работы Вася заглянул в бассейн, расположенный в приемлемой близости от дома. Изредка он позволял себе одноразовое посещение, но так бы было здорово плавать регулярно! Да и абонемент вышел бы дешевле, но всё равно дороже, чем его месячная зарплата. В очередной раз Вася посмотрел на преёскурант и медленно поплёлся в сторону дома. Настроение упало ниже плинтуса.

А дома привычно пахло щами – мама считала капусту самой здоровой пищей.

– Васенька, давай скорее за стол, пока щи горяченькие! Я и зелень уже покрошила.

Что-то переклинило вдруг в голове, и Василия понесло.

– Я что, должен вот так сразу, не помыв руки, не переодевшись, садится за стол и заливать в себя раскалённую жидкость из капусты! Я ненавижу капусту! – Василий орал, наверное, впервые за много лет, а может быть, и за всю жизнь. – Сама ешь свои щи! Горяченькие! Ненавижу!

Потом мама плакала, а Вася говорил и говорил. Он объяснял ей, как невыносимо ему сидеть на этой скучной работе,

что с его обязанностями менеджера справится и недоучившаяся девчонка, а он всё же пять лет в Университете учился, он – программист, а не менеджер, и у него на работе недоучившаяся девчонка-фотограф получает в два раза больше него. Что его зарплата унизительна, и что на неё он не может даже купить абонемент в бассейн.

Кстати, тут мама опять вспомнила учителей, зарплаты которых вовсе не велики. И дались им всем эти учителя! Впрочем, Василию было что возразить матери: учителя работают, потому что им нравится их работа, они получают удовлетворение от неё, и большинство из них находит способы подрабатывать.

– Ты хочешь сутками только и работать! Васенька! Ты надорвёшься из-за этих денег! У тебя не будет никакой жизни, кроме работы!

Вася знал, что, если он объяснит маме, что вечера, проведённые с ней у телевизора, – это не жизнь, выходные с ней на даче или культпоходы с ней в кино – не жизнь, то обидит её. Он и так довёл её сегодня до слёз, а она ведь отдала ему всю себя. Когда погиб отец, мама была молодая и красивая, она могла выйти замуж, а кто знает, как бы сложились отношения Васи с отчимом, а так они были только вдвоём всегда. Нет, Вася не может обидеть свою маму! Да мама и сейчас у него самая красивая! Ну и что, что она уже не молода, она ничем не хуже этой выпендрёжницы Надежды, которая только и знает, что всех поучать! Лучше его мамы нет нико-

го на свете!

В общем, этот вечер закончился тем, что мама выдала Василию 18 тысяч – сумма, на три тысячи превосходящая его зарплату и достаточная для покупки абонемента в бассейн.

* * *

Я внимательно разглядывал сидящего передо мной пациента. Что-то с прошлой встречи неуловимо изменилось в Василии. Он по-прежнему был в том же пиджаке и обшарпанных джинсах, но что-то в осанке изменилось, да и выражение лица стало чуть иным, менее размытым, если можно так выразиться.

– Вы лучше выглядите! – глядя на пациента произнес я. Дело в том, что у нашей личности есть потребности, которые, кроме прочего, заключаются в поддерживающей информации, способствующей укреплению представлений о собственном «Я». Если человек недостаточно слышит хорошего о себе, это воспринимается как угроза для личности и вызывает сопротивление. А мне на сеансах вот только сопротивление не хватало!

– Я записался в бассейн! Жизнь как-то сразу стала немного лучше, доктор.

– Очень хорошо! – если Василий получил на службе премию, он обязательно об этом расскажет, просто не сможет смолчать.

Однако Василий молчал. Что ж, я был рад уже тому, что ему больше не хотелось сочинять истории про профессиональную реализацию.

Наконец Василий заговорил.

– Доктор, из-за того, что я зарабатываю сущие копейки, я не могу позволить себе многого. Я не могу завести семью, потому что не в состоянии содержать её, не могу даже ходить в бассейн. Если бы не мама... Мама фактически кормит меня, а недавно она подарила мне деньги на бассейн. Я всем ей обязан, понимаете, доктор!

Понимаю. Это я хорошо понимаю – случай-то вполне ординарный, только крайне запущенный. Маменькиных сынков на свете много и многие из них, как и Василий, не в состоянии самостоятельно разглядеть корень всех их проблем – дорогую, любимую, самоотверженную маму.

На этот раз работать с Василием мне было намного легче – он был спокойнее, сказались занятия плаванием. Психотерапевты знают, что занятия физкультурой – один из самых действенных способов снять напряжение, которое так мешает нам работать, потому что заставляет личность сопротивляться и обращаться к защитным механизмам, пряча глубоко в подсознание истинные причины неудач.

В процессе этой нашей беседы клубок проблем Василия стал заметно разматываться, ниточка тянулась и тянулась, и мне уже была видна основа, на которую в беспорядке были намотаны все трудности и комплексы несчастного неудачни-

ка. Впрочем, собственно неудачником Василия называть было бы неверно, ведь неудачник – тот, кому не везёт, а Василий просто ничего не делал для того, чтобы жить лучше. Не такой уж редкий случай, как можно подумать: людей, как будто припорошенных пылью, в вытянутых джинсах или тренировочных, в кургузом пиджаке неопределённого цвета или заштопанном мамой джемпере на самом деле много, просто их не замечаешь. Они сидят в каких-то офисах, ездят на метро, заходят в магазины, но их как будто не существует – они боятся быть заметными, им как будто кто-то запретил высовываться, и они всю жизнь живут под давлением этого запрета.

* * *

– Всё, мама, я решил, – я подаю заявление. – Василий долго готовился к этому разговору, он превосходно представлял себе, что ему предстоит выдержать мамино недовольство, упрёки, может быть, даже слёзы, но откладывать дело в долгий ящик не мог.

– Какое заявление, Васенька? – мама напряглась, словно почувствовать волнение сына.

– По собственному желанию. Мама, понимаешь, это не работа, а Бог знает, что такое! Денег нормальных не платят, я за твой счёт, можно сказать, живу. Ну мужик я или кто, наконец! – Василий сам не заметил, как начал оправдывать-

ся перед мамой. Всегда у него так получалось: если знает заранее, что мама будет недовольна, сразу начинает оправдываться, хотя вроде бы имеет полное право поступать так, как ему нужно, не ожидая маминого одобрения.

– Васенька, что случилось? Почему? Если начальство хочет повесить свои сложности на тебя...

– Мама, да ничего оно не хочет! Оно уже и забыло о моём существовании. Платят копейки, а держат, чтобы ставка не пропадала. Не нужен я там никому.

– А зачем тогда уходить, Васенька? – Василий знал, что для его мамы – главное, чтобы другие люди не обращали на него никакого внимания. Ревнует она, что ли?

– Мама, ну как ты не понимаешь! Я хочу нормально работать и нормально зарабатывать! Нормально, мама! А не пыль с компьютера вытирать да со стола – локтями!

– А кто, как ты выражаешься, нормально работает и зарабатывает, тот не сегодня – завтра в тюрьме окажется. Ты вон Ходорковским восхищался, а где он, твой Ходорковский! Думаешь, его маме легко? А вот я так не думаю!

– Мама, ну причём здесь Ходорковский! Меня устроит и не такая большая зарплата, постарайся понять.

– Вася, все бизнесмены – воры, – сказала как припечатала. – Я запрещаю тебе, слышишь! Запрещаю!

– А не бизнесмены – тоже воры, мама? Не обязательно же бизнесом зарабатывать!

– Васенька, ты – математик, программист. Если ты хо-

чешь уйти из своей фирмы, значит, ты собираешься основать свою, я тебя знаю. А это – бизнес, а значит, ты станешь вором и окажешься за решёткой!

– Мама, я не собираюсь основывать свою фирму, не собираюсь! Я просто хочу интересную работу! По специальности!

– Чтобы увязнуть за своим компьютером, и ни телевизор не посмотреть, ни с матерью не поговорить! Вот у Ленки сын – не вытащить из-за этого компьютера!

– Да что ты говоришь, мама! Ленкиному сыну – четырнадцать! А мне – тридцать семь! А я до сих пор и не работал толком!

– Васенька, не надо так рисковать, я тебя очень прошу! Подумай о матери! Что со мной будет, если с тобой что-нибудь случится! Я этого не переживу!

– Да ничего со мной не случится, мама! Программистов сейчас не хватает, я просто пойду в нормальную фирму. Петька Крылов меня давно в Яндекс перетянуть хочет, там и интересно, и зарплаты нормальные.

– Вася, не надо! Просто так нигде деньги не платят, поверь моему опыту!

– Мама, но я не хочу просто так! Я хочу работать! И получать деньги за свою работу!

– Васенька! Я тебя очень прошу!

И опять Василий не мог пойти против материнской воли, как ни старался. Каждый раз, когда он спорил с матерью, ему казалось, что он «плохо себя ведёт», что её упреки, её недо-

вольство им вызваны каким-то его проступком, и ему надлежит как можно скорее извиниться перед ней и исправиться.

* * *

Я обнаружил у Василия страх перед материнским и, шире, женским запретом – одну из характерных черт Эдипова комплекса. Дело в том, что для ребёнка мать – это забота, а забота проявляется не только в тепле и ласке, но и в запрете. И вот ребёнок вырастает, мальчик становится мужчиной, и что мы видим? Подавляющее большинство мужчин испытывает панический страх перед женским запретом! Достаточно понаблюдать, как мужчины расслабляются в чисто мужской компании, пусть то будет, спорт, клуб, наука или даже война. Так что Василий – отнюдь не исключение, просто случай особенно тяжёлый: всё же большинство мужчин на каких-то уровнях преодолевают материнское влияние, побеждают Эдипов комплекс и становятся мужчинами. Василий же им не стал.

Когда беседа с моим пациентом привела нас к Эдипову комплексу и боязни материнского запрета как его проявлению, мы нашли выход: если Василию тяжело спорить с матерью, если он боится нарушить её запреты, то в некоторые проблемы её можно не посвящать сразу, а может быть, и вообще. Я потихоньку стал внушать Василию, что он – личность, взрослый самостоятельный человек, который оказал-

ся в психологической зависимости от матери, и зависимость эту надо разорвать, пусть не сразу, а постепенно увеличивая дистанцию между ним и мамой. Не надо врать, зачем? А вот уволиться с опостылевшей работы необходимо, тем более, что есть очень хорошая перспектива трудоустройства. Когда мама заметит, что в жизни её сына произошли изменения, она спросит, и он скажет правду, вот только запретить ему мама не сможет ничего.

– Понимаете, доктор, – объяснял мне Василий, – моя мама – прекрасный человек! Вы, конечно, правы, – я вешаю на неё свои проблемы, а она стремится мне помочь, хочет всё, как в детстве, решить за меня, старается меня оберегать от всего. А ведь она – уже не молодая, ей тяжело! Она всю себя вложила в меня, и она никогда ничего плохого себе не позволяла, да ей и не надо было! Моя мама – святая женщина!

А это – ещё одна характерная черта Эдипова комплекса: идея святости женщины. В наиболее экзальтированных формах она проявляется в рыцарском служении Прекрасной Даме, культе Девы и т. п., чего европейская культура знает достаточно много. Вот я и напомнил Василию эти проявления, и задал ему вопрос, является ли его мама героиней литературного произведения, или она – живой человек. Ответ был очевиден как для меня, так и для него. Главное для психотерапевта, когда он имеет дело с Эдиповым комплексом, это не впасть в другую крайность – не начать искать недостатки в объекте поклонения пациента. Это только отвернёт паци-

ента от врача, и весь достигнутый контакт может рухнуть.

Качественным скачком в нашей с Василием совместной работе я считаю тот момент, когда он уволился со своей скучной и бесперспективной работы и устроился в фирму программистом с начальным окладом 50 тысяч и прекрасными перспективами. Василий ничего не сказал об этом матери, он вообще стал заметно отдаляться от неё и уже не считал должным обсуждать с ней каждый свой шаг. Я сочувствовал этой женщине и был бы рад ей помочь, но она не стремилась к психотерапевту, а насильно мил не будешь. Что ж, пусть справляется сама. Ревность и чувство собственности бывают мучительны, однако это не основания для того, чтобы ломать жизнь сыну.

Василий стал довольно-таки быстро меняться даже внешне: перестал сутулиться, исчезли мешки под глазами, походка стала упругой, а движения – чёткими. Кургузый пиджачок и вытянутые джинсы отошли в прошлое, и я очень надеюсь, навсегда, – Василий приобрёл свой стиль в одежде. И наконец я понял: пришёл момент, когда в жизни моего пациента должна появиться женщина. Не мама, другая женщина, причём ничем маму не напоминающая. А раз настал этот момент, она появится, и спрашивать у матери разрешения на любовную связь Василий не будет.

Не-лиса Алиса

– Девчонки, девчонки! Сегодня гуляем!

– С каких таких доходов, Лиска-Алиска?

– А за перевод заплатили. Манечка, а посиди за меня на зачёте завтра, а? А в субботу всё равно олимпиада, там твои почти все пишут, я в любом случае прихожу, а ты гуляй, о'кей?

– Ага, хорошо. А через два урока гуляем?

– Гуляем!

Школа, в которой Алиса Юрьевна Николаева преподаёт английский и немецкий языки, – одна из лучших в Санкт-Петербурге. Это – бесплатная бюджетная гимназия, куда немаленький конкурс, так что работу свою Алиса любит. И народ в школе классный подобрался: мужчин не меньше, чем женщин, и все – отличные люди, нескучно с ними, и всегда помогут, если что. А деньги... Алисе проще заработать, чем её коллегам: и немецкий, и, тем более, английский языки сейчас ещё как востребованы! Алиса и переводит, и экскурсии водит, и иногда берёт учеников, а если выпадает время летом, то возит туристические группы в Европу, так что всё, кажется, у неё хорошо.

– Хорошо тебе, Алиска, – тяжело и горько вздохнула Манечка, – с иностранным всё же с работой проще, а ты – и вообще у нас – умница-красавица.

– Маняш, конечно, хорошо, – возражать Алиса не собиралась – она понимала, что ей с её специальностью легче, чем коллегам, преподающим историю или географию. – Эх... да ведь мне еще ещё квартиру снимать приходится. Да и вообще, не в деньгах счастье, – разговор за бутылочкой любимого Алисиного крымского сладкого вина, по мере того, как сгущались осенние сумерки за окном, становился всё грустнее. Три молодых учительницы говорили о своём, о девичьем: о любви, скудном учительском хлебе насущном, добытом в поте лица своего, работе, такой, в общем, любимой, но уже порядком надоевшей к концу рабочей недели. Но главное, конечно, о любви.

– Алиска, а как у тебя с Володей? Что-то давно ты ничего о нём не рассказываешь...

– Да ну его, Элька! Скажи лучше, вы с Камилем помирились?

– Помирились-то мы помирились, да только не верю я, что надолго, – с его ревностью невозможно жить нормально! А у меня Санька – маленький ещё. Ну и подумайте, девчонки, каково ему эти скандалы слушать! – Элькиному Саньке было всего пять лет, и скандалы для детской психики, конечно, не нужны, да только справедливости ради надо отметить, что при Саньке Камиль ничего такого себе не позволял. – Вот представляете, – говорила между тем Элька, – после бурного секса лежим мы, я – такая расслабленная, и так, не думая, начинаю рассказывать про нашу Алёну, только что и успела

произнести «Алё...», а он как начал орать, что, прикиньте только, я во время секса с ним зову какого-то Алёшу! Ну не псих ли?

– Да уж, псих тот ещё. Но, может, и пройдёт это у него. А вообще, я, Элька, тебе завидую, – такие страсти! А у меня всё скучно, всё как всегда, – Маняша лукавила, но девушки давно привыкли к мечтам своей пухленькой розовощёкой подружки о романтических страстях. У неё одной из трёх подружек всё было в личной жизни гармонично: любимый муж – бывший одноклассник, дочка Леночка – первоклашка-отличница, и даже идеальная свекровь. Денег маловато, но какие их годы – наживут.

– Алиска, а ты чего сегодня у нас такая молчаливая?

– Да так, девчонки, ничего особенного...

Алисе не хотелось делиться с подругами своими проблемами, да и на самом деле не было в них ничего особенного: история с Володей повторила историю с Андреем, до Андрея был Артём, до Артёма – Юрка... И всё время – одно и то же, точно кто-то, очень к ней недобрый, написал сценарий её жизни.

– Элька, ну почему, скажи, все твои мужики – нормальные люди, все – разные?

– Ничего себе – нормальные! Это ты Камиля нормальным называешь, этакого психа!

– Нет, с Камилем всё ясно, он – человек такой. Но, понимаешь, у тебя всё каждый раз – по-новому. С Камилем –

страсти романтические, с Сашкиным отцом – как за каменной стеной...

– Вот я и сбежала из-за этой каменной стены.

– Так ты – это ты, тебе романтики захотелось, и Камиль – тут как тут. Только он на Сашкиного отца вообще не похож. А у меня – всё каждый раз одно и то же.

– Лис, что, и Володька...?

– И Володька, Машенька...

Всё-таки Алиса поделилась своей историей с подругами, да и не видела она никакого смысла что-то скрывать из своей жизни. Слушали девочки внимательно, хотя казалось бы, давно должны были уже потерять интерес к Алисиным рассказам. Но дружба – она на то и дружба, чтобы не искать новых сюжетов в жизни близкого человека, а помочь ему.

– погоди, Лисёнок, а ведь и верно, – у тебя всё повторяется: сначала всё хорошо, просто замечательно, потом ты начинаешь раздражаться, мужик тебе кажется рохлей, а потом вдруг он вроде как остывает к тебе, а после – и вовсе исчезает.

– Вот и я про то, Машка. Как будто кто-то поставил пьесу моей жизни, причём в разных спектаклях задействованы разные актёры, только я – всё время одна.

– Ну уж нет, подруга, так не пойдёт. Никаких спектаклей, никаких актёров. Одинаковых мужиков не бывает, а раз у тебя с ними всё повторяется. Значит, дело в тебе.

– А я-то что, Элька?

– А вот это и надо выяснить. Как только проблема станет ясна, так и решить её будет проще.

Так энергичная Элька и только на вид мягкая, а на самом деле – упрямая и требовательная Машенька отправили Алису к психотерапевту, который когда-то давно лечил какого-то приятеля Машкиного мужа. Вроде, тот лечением остался доволен... В общем, Алиса решила рискнуть.

* * *

Признаться, первое моё впечатление от Алисы оказалось сильным: она меня удивила. Я знал, что ко мне на приём записалась учительница иностранных языков одной из лучших школ Петербурга, и ждал либо властную даму, либо изящную, постоянно щебечущую англичаночку, либо сентиментальную одинокую девушку, мечтающую о замужестве в стиле дамских романов. Однако – прочь стереотипы! Личность всегда способна нас удивить, тем более такая личность! Алиса красива, даже более того – она очаровательна. Выглядит очень стильно, но ничем не напоминает типичную учительницу английского – гипертрофированно женственную, похожую на куколку. На куколку Алиса не похожа. Мягкие манеры, густой низковатый голос – и короткая стрижка, русые волосы пёрышками, завершают композицию яркие серо-зелёные глаза. Длинные пальцы, длинные ноги. И чувствуется за этой мягкостью-изломанностью сила. Но не будем за-

бегать вперёд – как ни важно первое впечатление в работе психотерапевта, а контакт с пациентом важнее.

Алиса сразу же, что называется, взяла быка за рога, при этом она не показалась мне уверенной в себе, скорее резкое начало беседы напомнило прыжок в холодную воду.

– Здравствуйте, доктор...

– Называйте меня Рушель.

– Рушель, я – Алиса. Начну сразу. Меня бросил мой бойфренд, при этом он просто перестал появляться и реагировать на мои звонки. То есть сначала он придумывал какие-то дела, – то у него заседание кафедры, то семинар, то ещё что-то там. А потом просто исчез.

– Может быть, с ним что-нибудь случилось? Алиса, вы не беспокоитесь? Ведь, когда человек не отвечает на телефонный звонок, первая мысль, которая приходит в голову...

– Нет, Рушель, с ним всё хорошо, даже очень. Я съездила в Университет, – он в Университете преподаёт, – и посмотрела на него. На работу ходит и очень даже весел, так что я ни капли не волнуюсь.

– А почему вы к нему не подошли?

– Зачем? Если человек не хочет меня...

Надо сказать, я не слышал в словах Алисы боли. Только обида, раздражение, возможно, – страх. Значит, лечить большую любовь здесь не потребуется. Что-то другое. Но что?

– Алиса, вы любите этого человека?

– Я... Рушель, я... Наверное.

– И если он захочет вернуться, вы будете счастливы?

– Нет, что вы! Меня интересует совсем другое.

– И что же, Алиса?

– Володя... он... – кажется, моей пациентке, которой так хочется казаться уверенной в себе, совсем не хочется отвечать на мой вопрос.

– Что он, Алиса?

– Он... он не первый меня бросил.

Алиса рассказала мне, что таким образом её бросали все её мужчины, и было их у Алисы немало. Ну что ж, будем разбираться. Пока же мне стали ясны две вещи: во-первых, Алиса этого своего Володю не любила; во-вторых, причины её личных неудач – в ней самой.

* * *

– Вовка, ну наконец-то я до тебя дозвонилась! Ты куда вообще пропал? Я же волнуюсь! И на смс-ки не отвечаешь! И на звонки!

– Лис, не надо, а? Никуда я не пропал, и ничего ты не волнуешься. Сама всё понимаешь.

Ага, Алиса всё поняла: бабий бунт. Решил зубы показать... ну-ну.

Рассказ Алисы о её недавнем общении с её бывшим (да, я уверен, именно бывшим) бойфрендом Владимиром впечатлил меня.

– Понимаете, Рушель, он разговаривал со мной так, как будто ничего мне не должен! А он...

– Он вам должен, Алиса? Что? Объясните, пожалуйста.

– Он за мой счёт... Да он каждый вечер ел у меня дома!

– И ничего не приносил? Ну если честно, Алиса?

– Да нет, если честно, приносил. Рушель, но он, понимаете... какой-то он... Всё время на него приходится давить.

– Зачем, Алиса? – я стараюсь как можно чаще и больше называть своего пациента по имени, потому что имя человека – главный звук, который ему нравится, который ему приятно слышать, и который он ДОЛЖЕН слышать часто, чтобы с его самооценкой было всё нормально.

– Ну он же на мужика не похож!

Ага, таким образом мы выявили, что Алисе нужно нечто, «похожее на мужика»... Интересно.

– Алиса, а какими качествами обладает, по вашему мнению, настоящий мужик?

– О, об этом знает каждая женщина, и думаю, Рушель, что вы об этом слышали от своих пациенток? Или я ошибаюсь?

– Возможно. Но мне бы хотелось услышать ваше личное

мнение. Не будете же вы, такая умная и самодостаточная женщина, просто воспроизводить принятые штампы, – насколько не сомневаюсь, что именно это Алиса и собиралась сделать, сама, пусть и не полностью, это осознавая и стесняясь.

– Хорошо. Настоящий мужчина должен любить свою женщину и быть готовым ради неё на многое. Он должен всегда поддерживать её во всех её начинаниях, а ещё – просто радовать, причём как можно чаще: дарить милые безделушки, цветы, водить туда, куда она хочет пойти с ним... ну... у всех же разные интересы: кому-то нравится балет, а кто-то обожает тяжёлый рок... Он должен обеспечивать свою женщину, должен ездить с ней в путешествия. Наконец, он просто должен быть хорош в сексе. А ещё он должен...

– Стоп! Алиса! Вы себя слушать не пробовали? Должен, должен, должен... То есть, по вашему мнению, настоящий мужчина всё время существует в состоянии долженствования, как в армии? Он постоянно выполняет свой долг, в едином, так сказать, строю. Вы уверены, что захотите хоть сколько-нибудь долго общаться с таким человеком?

Алиса задумалась. Я уже понял, что причина её постоянных неудач на личном фронте – в том, что она всё время требовала от своих партнёров выполнения каких-то выдуманных ею обязанностей. Хорошо бы ещё, чтобы это поняла сама моя пациентка. Алиса – не тот человек, которому нужно, чтобы ему всё объяснили и направили на путь истинный, она

сама стремится выйти на этот путь, для неё важна самостоятельность, а мне она может и не поверить. Задача психотерапевта состоит отнюдь не только в том, чтобы увидеть корень проблемы пациента. Врач всегда хочет помочь больному, а для этого надо, чтобы пациент сам увидел корень своей проблемы и стал сотрудничать с врачом ради её решения. Есть в психотерапии такой метод, который открыл американский психолог Роджерс. Согласно этому методу пациент, которого Роджерс называет клиентом, чтобы подчеркнуть его ответственность наряду с врачом, может свободно обсуждать и таким образом исследовать свои чувства, не боясь неодобрения. Именно этот метод мне показался наиболее подходящим для Алисы – человека, уверенного в себе, а в личной жизни, как я понял, даже слишком.

– Рушель, – прервала паузу Алиса, – тогда выходит так, что я от Вовки требовала, требовала, мне всё время казалось, что он должен, должен измениться, что ли... И из-за этого он сбежал, да?

– Да, думаю, вы правы, Алиса, – я подчеркнул то, что она сама поняла сущность своей проблемы. – Но уверены, что так было только с Владимиром?

3 года назад

То, что Юрка любит кататься на лыжах, Алиса прекрасно знала, – он вместе с ней и её классом ездил в Токсово уже две зимы подряд, и дети его обожали, а лыжного похода с ним ждали, кажется, с первого сентября. И решила она сделать ему подарок – сказочные рождественские каникулы. Алиса купила путёвки в Норвегию, на один из горнолыжных курортов, хотя сама на горных лыжах не каталась, и боялась высоты. Ничего страшного, она была готова потерпеть, лишь бы Юрка отдохнул по-человечески, а то всё работа, работа, сплошная работа...

Лучше всего, конечно, сюрприз, а заодно и новогодний подарок – как только пробьют куранты двенадцать раз, как только отопьют они с Юрой шампанского, так и достанет он из-под ёлки подарок, – две путёвки в Лиллерхаммер, на курорт Галу. Интересно, а что он приготовил ей...

– С Новым годом. Юрочка!

– С Новым годом, любимая!

Алиса прервала долгий поцелую и высвободилась из Юриных рук.

– А ты не хочешь посмотреть, что я тебе приготовила?

– Давай сначала ты, а то я волнуюсь!

– Можно подумать, я не волнуюсь. Ну Юрка, давай ты.

– А пошли вместе.

Алиса и её друг вместе опустились на корточки рядом с маленькой пушистой ёлочкой (директор школы всегда умудрялся достать всем учителям самые замечательные деревца, и стоили они совсем дёшево – этакий подарок школы на Новый год).

– Что это, Юрка? Какая прелесть! – в руках Алисы серебряной змейкой скользила тонкая нежная цепочка, нефритовый кулон густого болотного цвета идеально подходил к глазам девушки.

– Тебе правда нравится?

– Конечно! Я нефрит больше всего люблю, Юрочка, ты же знаешь! А тебе как мой подарок?

– Что там? – Юра раскрыл нарядный конверт с ангелочком, сжимающим пышной рукавичкой большую золотистую звезду. – Алиса?

– А ты прочитай, Юрочка.

– Путёвки? Точно! В Галу? Это мне?

– Нам с тобой!

– Лиска, спасибо тебе! Ты чудо!

Новогодняя ночь миновала, а за ней – и каникулы в дивных норвежских горах, где всё, казалось, было наполнено волшебством ясных звёздных ночей, сверкающих огнями лыжных трасс, звонкого морозного воздуха... Алисе было хорошо с Юрой, и она думала: это он, тот человек, за кото-

рого она вскоре выйдет замуж. С ним весело, он, видимо, любит её, а ещё ей очень нравилось, что он охотно возится с её школьниками, – катается с ними на лыжах, ездит везде. Вот начало летних каникул они планируют отметить поездкой в Ярославль...

* * *

– Но с Ярославлем ничего не вышло. Юрка не поехал.

– Как вы думаете, Алиса, почему?

– Он меня бросил.

– Как это произошло?

– Бросил, и всё. Рушель, ну какая вам разница до того, что было три года назад? – ничего себе! Похоже, моя пациентка вообще не видит ничего общего в ситуациях! А ведь в свой прошлый визит она была готова согласиться со мной, что у всех её любовных неудач есть одна общая причина. В прошлый раз я дал Алисе домашнее задание: вспомнить и записать тот момент, который по её мнению стал началом конца её отношений с одним из бывших бойфрендов Юрием, с которым Алиса разошлась чуть меньше трёх лет назад. Этого молодого человека я выбрал, потому что мне казалось, что он был Алисе ближе других, их отношения больше походили на дружеские, чем на любовные, да и вообще по рассказам Алисы он мне был более интересен, чем другие. Алиса задание выполнила, но почему-то снова вернулась к непонима-

нию общей причины своих трудностей.

Так бывает в работе психотерапевта: после победы вполне может последовать поражение. Бывает, добьёшься доверия пациента, слушаешь, как он захлёбываясь изливает душу, и радуешься, потому что понимаешь: скоро его проблема будет решена. И вдруг на следующем сеансе перед тобой – совершенно другой человек замкнутый, недовольный ни тобой, ни своими жизненными обстоятельствами, ни собой. И снова бьёшься, пытаешься понять причину такой разительной перемены.

Нет, я ни в коем случае не хочу сказать, что Алиса перестала мне доверять, здесь произошло нечто другое. Алиса неожиданно отказалась видеть причину своих проблем, таким образом сделав существенный шаг назад в их решении.

– Алиса, скажите, пожалуйста, почему вы в качестве того момента, с которого по вашему мнению стали портиться отношения с Юрием, описали вполне идиллический Новый год с подарками, поцелуями, трепетной нежностью, волнением?

– Новый год... Это трудно объяснить, Рушель.

– И всё же давайте попробуем.

– Ну хорошо. Мы с вами в прошлый раз говорили о Володе, с которым я была меньше года, о Мише, а потом добрались до Юрки. До этого момента мне казалось, что вы совершенно правы в том, что я чего-то от своих мужчин всё время требовала, давила на них как-то, что у них возникало ощущение, что они мне чего-то должны, а это никому не по-

нравится. Но когда мы дошли до Юрки, я поняла, что дело совсем не в этом.

– Почему?

– Да потому, что Юрка – совсем не такой! Он... Ничего от него никогда не требовала! Он и зарабатывал мало, а ни слова ему не говорила! Рушель, вы только сравните по цене путёвки на норвежский курорт и серебряную цепочку с нефритом! И я ни слова ему не сказала!

– Тогда не сказали, а потом?

– И потом не сказала. Я вообще её потеряла. Там же, в Гале.

– И как Юра отнёсся к этой потере? Не обиделся случайно?

– Да нет, с чего бы? Дешёвенькая цепочка.

* * *

– Лис, а что ты не носишь камушек, который я тебе подарил? Так бы было красиво с этим серым свитером!

– Юрочка, я чего-то не могу его найти. Он, верно, потерялся, помнишь, когда мы в снегу валялись...

– Ну вот, жалко...

– Да ерунда, Юрка, дешёвка же! Потом ты мне новую подарить, правда же? Я и не расстроилась вовсе!

Признаться, эти воспоминания Алисы меня неприятно задела – девушка оказалась не в состоянии выйти за рамки своего, достаточно ограниченного, надо сказать, представления о мире даже ради человека, которого считала любимым. А вот любила ли Алиса Юрия на самом деле – это ещё большой вопрос. Мне всё же кажется, что нет, в противном случае она могла бы настроиться на него и понять, что обижает его.

– Алиса, вы любили Юру?

– ...Наверное... да, любила. И вот уж точно никогда на него не давила, ничего не требовала.

– Вы уверены?

– Абсолютно, – ну вот опять она в чём-то уверена «абсолютно»! Может быть, мне удастся научить Алису немножко сомневаться в себе и обращать внимание на окружающих? Хотелось бы верить.

– Алиса, давайте вместе проанализируем эту ситуацию с нефритовым кулоном. Как вам кажется, почему Юрий подарил вам именно его?

– Потому что он подходит к моим глазам.

– Отлично! Я рад, что вы так думаете.

– А что я ещё могу думать?

– Вы, Алиса, можете думать, что Юрий отделался от вас дешёвым подарком.

– Ну уж нет, я хорошо изучила Юрку! Ему на деньги вообще всегда плевать было. Он бы никогда не купил вещь только ради того, что она дешёвая. Кулон ему просто понравился, он, и правда, был по цвету, как мои глаза, и очень мне шёл. Рушель, да вы представляете себе, что Юрка даже внимания не обратил, насколько его кулончик дешевле путёвок в Норвегию! – ага, а Алиса, похоже, до сих пор забыть не может о разнице в цене. – Это же насколько надо быть не от мира сего! Его женщина дарит ему дорожный подарок, а он ведёт себя так, как будто ничего не случилось!

– А как он должен был себя вести, Алиса?

– Ну как... Если один человек чем-то обязан другому, он должен больше его любить, как я понимаю. А я для Юрки ничего не жалела! – по словам Алисы её последний партнёр, Владимир, тоже был ей обязан очень многим, вплоть до еды, которую она сама и покупала, и готовила. Есть такое понятие в психологии – виктимность.

– И вам было не жалко его потерять?

– Жалко ещё как! Но я это скрыла от Юрки, чтобы он меня не жалел, утешала его!

– Каким же образом вы его утешали?

– Что кулон был дешёвый, что я совсем не расстроилась...

– Вы же сами только что сказали мне, что Юре на деньги было плевать, а потом утешали его тем, что потеряли недорогую вещь! Где логика, Алиса?

– Ну... я как-то не подумала... все нормальные люди рас-

страиваются, если теряют дорогие украшения, – так, кроме «настоящего мужчины», в Алисином представлении о мире есть ещё и «нормальные люди».

– Вот видите, что получается, Алиса! Вы знаете Юру, знаете, что для него деньги имеют второстепенное значение, однако для того, чтобы утешить его, используете «денежный» довод, больше подходящий не для Юры, а для каких-то абстрактных «всех нормальных людей». А где собственно Юра? Человек, которого вы, как утверждается, любили?

– Получается...

– Что получается, Алиса? Я вас внимательно слушаю.

– Получается, что... что я... что я не о Юрке в тот момент думала, а...

– Так, смелее, Алиса!

– А о себе?

– Вынужден признаться, вы правы: стараясь утешить друга, вы думали не о нём, а о себе. Вы даже успокаиваете его великолепным доводом, что вы не расстроились! Как вы думаете, Алиса, а если бы Юра потерял какой-нибудь ваш подарок и не расстроился, вам бы было приятно?

– Нет, конечно. Как это может быть приятно!

– А вы почему-то решили, что Юре ваше безразличие к его подарку понравится.

– Рушель, но настоящий мужчина не может хотеть огорчить свою женщину!

– Алиса! Вы опять! Может быть, абстрактный настоящий

мужчина и чего-то должен, а живой человек хочет, чтобы его любили, понимаете? Это естественная потребность каждого человека, Алиса!

И тут Алису проравло.

– Рушель, тогда выходит, что я их всех не видела, думала только о себе, да? Но ведь так... Рушель, понимаете, вы все взгляды мои в прах разбиваете! Я же всегда знала, всегда, что настоящих мужиков на свете не бывает, что мужчину делает женщина, которая рядом с ним, а в разговорах с вами я начинаю в этом сомневаться. Я помню, когда мне было пять лет, папа стал поздно приходить с работы, потому появились какие-то командировки, я не знаю, я маленькая была, не понимала. Только помню, приехал он из одной командировки поздно ночью, я уже спала, проснулась, услышав, как он дверь открывал – у нас тогда такой замок был, тихо его было не открыть. Только разделся, как мама его – в кухню, даже умыться не позволила, и дверь за собой прикрыла. А я пошла подслушать, о чём они говорить будут, – я тогда очень боялась, что мама с папой разойдутся, наверное, чувствовала, что что-то не так. Так мама плакала, говорила, что если он уйдёт из семьи, то она ни за что не отдаст ему меня, и даже запретит встречаться, а мне объяснит, какой он подлец. Что настоящий мужчина никогда бы так не поступил со своей женой и дочерью, что если настоящий мужчина полюбил когда-то, то это – на всю жизнь, а измены и всякие романы на стороне – удел слабых. Рушель, я уже, наверное, и не

вспомню всё, что она говорила. А папа ничего не говорил. Я не видела их за дверью, но думаю, что он сидел и на маму не смотрел, – он вообще на неё старался не смотреть, особенно когда она заводила про «настоящий мужчина должен»... Ой! Рушель! Получается, что я тоже говорю, как она!

– Получается так, Алиса. Но теперь, когда вы это поняли, вам уже будет намного проще видеть в людях людей вместо того, чтобы думать. Что они вам что-то должны. А что же было дальше у ваших родителей?

– Папа никуда не ушёл, только он перестал быть таким, как раньше. Всё больше молчал, правда, когда со мной гулял, всё было, как прежде, – мы и болтали, и играли, и вообще... с ним хорошо было. А дома всё больше молчал. И не ел ничего, что мама готовит, а сам готовил и себе и мне, пока мама не запретила мне есть его еду.

– Почему?

– Сказала, что ребёнок должен питаться здоровой пищей. А мне больше нравилось, как папа готовит. А потом он заболел.

Я уже понял, что будет дальше, – мне известен такой психологический тип, к которому я отнёс отца моей пациентки: люди, которых, в общем-то, легко сломать, но которые в неволе долго не живут. Я оказался прав: отец Алисы болел полгода, потом умер.

– Рушель, но всё же мужчины – очень слабые существа! Почему папа не ушёл тогда? А дедушка у меня вообще спил-

сы! Да, с бабушкой трудно было, я понимаю: она всё время требовала от него самых разных вещей, – чтобы он и денег больше в дом приносил, и ей внимания больше уделял, и подарки дарил, и детьми занимался... – мне стало понятно: стремление давить мужчину у Алисы наследственное.

– Алиса, а много у ваших бабушки и дедушки было детей?

– Трое. У моей мамы ещё две сестры.

– И как у них складывается жизнь?

– Ничего хорошего у них не вышло. У тёти Лены был муж, да весь вышел – бросил её через три года после свадьбы, а детей у них нет. И никто из кавалеров не задержался. Ну, у неё характер, как у бабушки, вся – в неё. А Томка, она совсем другая, – да только и у неё... муж бросил, а Сашка, сын, сидит.

– За что?

– Да по малолетке ларёк грабнули. Томка – самая младшая, Сашке сейчас шестнадцать. Так она его – и на музыку, и на каратэ, и французский учить. Он от такой жизни из дома сбежал, месяц шлялся где-то, потом ларёк этот дурацкий ограбили, и поймали его. Хорошо хоть так, а то Томка с ума сходила.

– Она что, целый месяц не знала, где её сын?

– Ну, что жив, она знала, – он иногда письма с контакте писал, а где он прятался, – нет. А потом, как взяли его с ларьком, так говорит, по очереди у друзей жил, а у кого – так и не назвал.

– Да уж, хорошенькая история. Алиса, вот вы говорите, что ваша тётя Тамара не такая, как старшие сёстры, одна из которых – ваша мама? А чем же она отличается? Как я вижу, она ещё как давила на сына, а подростки это переносят хуже, чем взрослые.

– Но она же не требовала от него, чтобы он стал настоящим мужчиной, она хотела дать ему образование.

– От этого, знаете ли, Алиса, не легче. Скажите мне, пожалуйста, вам что, лучше, чтобы вам постоянно твердили, чтобы вы стали настоящей женщиной, а для этого должны каждый день мыть полы, готовить роскошные обеды, быть всегда красивой, в постели – восхитительной... Или чтобы вы чаще ходили в театры и музеи, больше читали философской литературы, учили наизусть стихи и вообще повышали своё образование?

– Ничего бы мне не понравилось. Это же – абсурд какой-то!

– Вот именно! А вы почему-то думаете, что мужчинам всё это должно нравиться.

– Теперь я поняла, Рушель. Значит, чтобы человек не сбегал от меня куда-то за Полярный Круг, я не должна на него давить и требовать чего-то. А что должна?

– Да любить его, Алиса! И принимать таким, какой он есть. И не стремиться показать, как много вы для него делаете. Вообще в ваших отношениях думать о любимом человеке, а не о себе.

Я говорил Алисе эти очевидные вещи, а самому мне не давала покоя мысль: не умеет Алиса думать о другом человеке, что-то в ней недовоспитано, чего-то не хватает. И не потому, что она – эгоистка, – не более, чем другие люди. Алиса способна заботиться о подругах и входить в их проблемы, ей вполне важно, что происходит в душах её учеников... Вот только, к сожалению, эта её способность не распространяется на мужчин. А может быть, это потому, что Алиса ещё не встретила своего человека? Может быть, если она полюбит, то начнёт прислушиваться к любимому? Я понимал, что нет. Да и не полюбит она, потому что в каждом следующем партнёре будет видеть не его, не личность, а потенциального мужа, и подделывать его под свой убогий идеал «настоящего мужчины, который должен», и произойдёт это в любом случае, несмотря на то, что сейчас она всё поняла и полностью со мной согласна.

Так что же мне с ней делать?

И вдруг меня осенило: Мьянма! Мьянма, прекрасная страна, которую я очень хорошо знаю и люблю, и древние сакральные практики которой, известные мне от моих знакомых бирманцев, колоссальным образом обогатили мой психотерапевтический арсенал. Пошлю-ка я Алису туда. Есть в Мьянме маленький монастырь высоко в горах, где женщин учат старинным методикам управления сексуальной энергией. Это – именно то, что нужно моей пациентке, чтобы нако-

нец разомкнуть проклятый круг, состоящий из стереотипов, привычек, семейных идеалов и свойств личности.

На первый взгляд моя идея отправить Алису в монастырь для обучения управлению сексуальной энергией может показаться странной: вроде бы на секс она не жалуется, не в нём её проблема. На самом же деле всё гораздо сложнее. Дело в том, что сексуальная энергия – самая мощная из всех энергий человека, которая даёт ему огромный потенциал производительных возможностей. Это и творчество, и любовь, конечно, и способность наслаждаться жизнью во всех её проявлениях. Чем больше у человека сексуальная энергия, тем богаче и счастливее его жизнь. Но у нас в обществе очень часто люди подавляют свою сексуальную энергию. Происходит это по многим причинам, в первую очередь, культурным: секс традиционно с советских времён считается чем-то постыдным. Досоветские времена тоже не отличались повышенной сексуальной свободой, но тогда Россия была, как и вся Европа, традиции которой в этом смысле сильно отличаются от традиций Востока. Потом у нас в стране всё стало намного хуже.

Но причём тут Алиса? Я уверен, что проблема Алисы заключается в подавленной сексуальной энергии. Девушка с трудом прорывается через стереотипы, внушённые, в первую очередь, в семье. И самое страшное в её стереотипной картине мира то, что мужчина – это не человек, который любит и которого можно любить, который несёт наслаждение

и жаждет наслаждения, а функция – партнёр, муж. Зачем он ей? Потому что без мужчины как-то неправильно, не более того. Настоящая женщина, согласно этой картине мира, без мужчины – немного ненастоящая, неполноценная. А значит, надо услышать себя (читай: свою сексуальную энергию) и искать достойного мужчину. Не жизнь, не счастье, не наслаждение, а только «должен», всё. Пока человек настолько зажат, встреча с тем, с кем она будет счастлива, для Алисы невозможна, так что пусть едет в Мьянму.

Надо сказать, перспектива такой своеобразной «экспедиции» мою пациентку очень заинтересовала. Алиса по природе своей любознательна, путешествовать любит и умеет, а на Востоке не была никогда. Я помог ей спланировать поездку, снабдил адресами и связями, которые ей понадобятся в чужой стране, написал рекомендательное письмо к настоятельнице монастыря. В общем, более трёх месяцев я своей пациентки не видел, а осенью ко мне пришла уже совсем другая женщина.

Перед Новым годом

В этот вечер 31 декабря к Василию точно из детства вернулась новогодняя сказка – лёгкий снег кружился и сверкал в радужном свете фонариков, новая финская дублёнка приятно грела плечи, и лица прохожих казались светлее, чем вчера. Мама готовит пресловутый салат оливье, над которым уже вторую неделю смеётся весь интернет, а Вася его любит с детства, потому что – праздник. И вообще ему кажется, что салат оливье давно уже может перестать быть объектом дурацкого юмора и стать чем-то наподобие семи слонов – из кича превратиться в раритет: пришло его время. Мама режет салат оливье, а Вася идёт по городу и думает, что бы ей подарить...

«Что тебе подарить, человек мой дорогой», – напевает Вася про себя и, честно сказать, не очень-то об этом думает: купит сейчас стеклянную змеюку вон у того шустрого молодого человека в такой же дублёнке, как у него: отсюда видна роскошная чёрная кобра, раскрывшая по-праздничному свой великолепный капюшон. Рублей пятьсот – самое то!

Купив сувенир на набережной канала Грибоедова, Василий вышел на Невский. Настроение было чудесным, может быть, от праздничности, окружавшей его, может быть – от бокала шампанского, выпитого в кафе на Миллионной, а может быть, от изящной змеи в кармане дублёнки – вопрос с

подарком маме решён! В общем, хотелось Васе таким гоголем пройти по Невскому проспекту. А почему бы и нет? Василий глубоко вздохнул, развернул плечи и...

Молодая женщина с маленьким таким пацанчиком лет пяти тащили нечто неподъёмное. Прямо по этому самому Невскому проспекту, который миг назад казался Василию торжеством праздничной роскоши и великолепия (а что грязно немного, так это ничего, привычно, можно и не заметить). Они волокли это нечто, расположенное на какой-то картонке, оно же, несмотря на верёвки, к этой картонке его крепившие, норовило всё время сползти в грязь. Праздник как-то слегка сдулся для Василия: фонарики поблекли, а грязь под ногами показалась гуще и холоднее.

– Девушка, что вы тащите! Давайте, я вам помогу.

– Ой, помогите, пожалуйста, молодой человек! Здесь недалеко, до ломбарда. Мы с Никиткой решили туда телевизор отнести пока...

– До ломбарда? Телевизор? – Василий сам не заметил, как уже пытался ухватить этот самый телевизор за угол. Телевизор не поддавался.

– Да ничего страшного, – незнакомка пыталась помочь ему приподнять штуковину, её пальцы, мокрые и ледяные, дотронулись до его руки... – мама с папой уехали в санаторий по путёвке – папа у меня – блокадник, ему в обществе блокадников две путёвки бесплатно дали, – а мы вот с Никиткой остались, а тут праздник, ёлку надо... Вот мы и ре-

шили... Я выкуплю, обязательно выкуплю! Нам просто за декабрь ещё не заплатили, а как заплатят, я выкуплю!

Что-то щёлкнуло в сознании: мама у телевизора, каждый год он сидит у телевизора, а они... как же они без телевизора будут встречать Новый год?

– Да я уже оливье приготовила, ничего, посидим при свечах, вы только помогите!

Наташа, – её звали Наташа, – не была красавицей, но... И Никитка у неё... В общем, телевизор Василий отволок обратно, благо, жили они недалеко от Невского, в двух комнатах большой коммуналки на Гороховой: в одной комнате – родители Наташи, а в другой – она с Никиткой. Родителей не было...

Почти перед самой полночью пошли они с Наташей и Никиткой искать ёлку – в городе бросают ёлочные базары незадолго до начала торжества. Нашли, конечно. И Никитка наряжал её, пока Василий с Наташей спешно долепливали рыбный пирог – странная у них в семье традиция: большие рыбные пироги в Новый год. И изящную стеклянную чёрную кобру с великолепным капюшоном получила на Новый год Наташа. Маму же Вася поздравил по телефону, а на следующий день купил ей у метро на Сенной тоже стеклянную кобру, только синюю, и капюшон у той кобры был немножко поменьше, кажется.

– Василий, вы замечательно встретили Новый год, как я вижу. Знаете, говорят, что, как Новый год встретишь, так его и проведёшь. Для меня очевидно, что вам суждено в этом году расстаться с одиночеством: вы наконец-то будете счастливы.

– Спасибо, Рушель, за добрые слова, но я не... – я уже понял, что Василий в чём-то не уверен, и даже догадывался, в чём – не очень, похоже, гармонично складывались у него отношения с его новой подругой. Я как психолог хорошо знаю, что это – нормально. Дело в том, что Василий практически не имеет опыта личных отношений, то есть имеет, но очень небольшой и давний, то есть можно сказать, то же самое, что ничего. А отношениям с людьми учиться нужно, как и всему остальному. Кому-то они даются проще, кому-то – труднее, и мой пациент – явно не тот человек, которому это легко. Наташа – первая женщина Василия, много лет у него, кроме мамы и нескольких приятелей, никого не было, а начинать всегда нелегко. Поэтому я не думаю, что у Наташи с Василием сложится, но разочаровывать заранее его не буду – ему необходима уверенность в себе.

– Василий, а что в этом празднике вам запомнилось больше всего?

– Ну конечно, Наташа! Она очень хорошая, и Никитка у

неё, только... – у Василия ещё будет возможность рассказать мне о том, что «только» – чем его не устраивают отношения с Наташей, но пока – не время. Он забегает вперёд, а я знаю, что сейчас – не в Наташе дело.

– Подождите, Василий. Давайте сейчас поговорим о празднике. Вы подробно рассказали мне, как познакомились с Наташей. Что вас заставило остановиться и предложить ей помощь?

– Мне стало её очень жалко. Слабая женщина, маленький мальчик – и тащат такую невероятную тяжесть!

– Значит, жалость. А что побудило вас остаться у Наташи?

– Я обещал Никитке, что ёлка будет, и для этого не обязательно сдавать телевизор в ломбард. И Наташа – одна... Ну как бы она одна нашла ёлку? И праздник – он всё-таки должен быть праздником, вы понимаете?

– Василий, а вы не думали, что ваша мама – одна? Вы говорите, что праздник должен быть праздником, и устраиваете его для почти незнакомой женщины, в то время, как ваша мама этот праздник встречает в одиночестве и, возможно, чувствует себя несчастной! – примечательно, что ещё недавно я не мог позволить себе говорить про маму Василия так, что он ей что-то должен. Теперь настало время окончательно избавить его от зависимости, показав объективную картину.

– А вы знаете, Рушель, совершенно неожиданно мама абсолютно не сердилась. Она, когда я ей позвонил, сначала от неожиданности стала кричать на меня, что как же она, что

она уже на стол накрыла, что обещал, что мы вместе каждый год, ну всё такое как всегда, а тут в дверь позвонили, она ушла открывать, а вернулась к телефону уже спокойная.

– И кто это был, Василий?

– Стелла Нахимовна пришла, они с ней с детства дружат, ещё в один класс вместе ходили, и сейчас тоже часто забегают друг к другу поболтать. Стелла-то, как дядя Виталик, муж её, умер, одна, так она Новый год вместе с нами с мамой договорилась отмечать, – а, теперь мне понятно, в чём дело, а то я, было, удивился, как это мама смогла оставить своего ненаглядного Васеньку в покое на целую новогоднюю ночь, да и потом не закатить истерику: видно, подружка убедила её в том, что женщина молодому мужчине необходима. – А Стелла Нахимовна, – продолжил Василий, – убеждена в том, что мама ограничивает мою свободу, и всё пытается маме объяснить, что мне очень бы пошёл на пользу какой-нибудь роман. Под её влиянием мама даже пыталась мне посватать каких-то девушек, но всё это было несерьёзно, – ну так я и думал! Тем более, вдвоём закадычным подружкам болтать было явно интереснее, чем втроём с Василием.

– А как вы провели ту ночь с Наташей и её сыном?

– Ну как, Рушель... Как все люди: Никитка уснул, а мы... ведь родителей Наташи не было, и была свободная комната, вот мы и...

– Понятно. А потом вы с Наташей...

– На следующий день встретились, второго. Ни ей, ни мне

на работу не надо, – Наташа в магазине работает продавщицей, одеждой торгует, так у неё был недельный отпуск, а наша фирма вообще только после Рождества открывается. И потом тоже, так мы каждый день и встречались, а Никитку Наташины родители забрали – в санатории, оказывается, для ребёнка разрешают раскладушку в номер поставить, а парню за городом лучше.

* * *

– Вася, я... давай, поговорим серьёзно, – хоть опыт Василия в общении с женщинами был совсем небольшим, эта фраза заставила его напрячься: инстинктивно он почувствовал, что ничего хорошего от неё ждать не стоит.

– Ну и что случилось?

– Да нет, ничего...

– Вот и замечательно. Наташ, я пойду уже. Маме обещал, да и мне надо посмотреть одну программу...

– А когда ты придёшь? Вася, понимаешь, Никитка, он...

– Что Никитка? Натуль, мы с тобой и так выкраиваем время, когда Никитку твою куда-нибудь увозят. У тебя – Никитка, родители, у меня – мама...

– Вот я и хотела поговорить, Вася. Ты можешь прийти, а можешь не прийти, с Никиткой практически не общаешься, ты даже на работу ко мне всего два раза заезжал, а я... – Наташа всхлипнула. Вот чего Василий не мог спокойно выно-

силь, так это женских слёз! С самого детства ничего не было для него страшнее, когда мама плакала! И жалко её, и понятно, что плачет она из-за него, а если даже и не из-за него, то всё равно он виноват – не смог уберечь её. А теперь – Наташа...

– Наташка, ну чего ты! Не плачь, моя хорошая! – Василий неловко погладил её по голове, отчего Наташа расплакалась окончательно. – Ну я же с Никиткой нормально, и к тебе я прихожу, и вообще...

– Да, Васенька, – всхлипывала она, – ты очень хороший, ты самый замечательный, но ведь так дальше нельзя!

– Чего нельзя? Почему?

– Вась, Никитка – тоже человек! Он в таком возрасте, что сейчас ему особенно необходим отец, и при этом сейчас легче всего для него принять своего папу, понимаешь? – Василий не понимал. Не понимал, почему так уж нужен ребёнку отец – сам-то он вырос без отца, и ничего, нормальный человек получился, – почему сейчас легче всего принять кого-то, а потом это будет сложнее, – он сам никогда никого не стремился принимать за своего отца. И вообще, причём тут он?

– Наташка, а я тут причём?

Наташа ничего не могла сказать – она плакала, по-детски шмыгая носом, который у неё всегда некрасиво краснел, когда она плакала. Наташа плакала часто.

Так ли уж люблю я жалостливых людей... Я – психолог, психотерапевт, врач, поэтому ответить на этот вопрос однозначно не могу – у жалости и жалостливости (ни у кого, полагаю, не вызывает сомнений, что это – разные понятия) могут быть самые разные корни, от эстетической сентиментальности (человек жалеет и любит исключительно, например, маленьких рыжих собачек) до активной жизненной позиции и доброты. Но зато я могу ответить однозначно: безжалостных и жестоких людей я не люблю. Однако эксплуатация жалости мне тоже не по душе, признаться.

– Василий, а свой отпуск вы собираетесь провести с кем? С Наташей? – Василий помрачнел. – С мамой? – если только это возможно, Василий помрачнел ещё больше.

– С Наташей, наверное. Или с мамой...

– Давайте попробуем разобраться. Василий, начнём сначала, иначе говоря, с мамы. Почему вы думаете, что, возможно, проведёте с ней отпуск?

– Но, Рушель, как же она одна! У неё же, кроме меня, нет никого!

– А Наташа?

– И у неё... Что же делать?

– Да ничего особенного, Василий. С кем бы вы хотели вместе отдохнуть?

Последовавшая долгая пауза стала для меня ответом на мой вопрос: Василий ни с кем из своих женщин не хотел бы быть, и не был бы, будь на то его воля. А вот воли у него пока что и нет. Наташа, как я полагаю, совершенно бессознательно, берёт его на тот же крючок, что и его мама – на жалость. Только другого крючка – властности и одновременно виктимности, – у Наташи нет: не такой она человек. То есть виктимность, видимо, есть, но совсем другого рода, не та, что у матери Василия: Наташа трогательно радуется каждому знаку внимания, который ей оказали небеса (например, встретился Василий, не позволил сдать в ломбард телевизор, стал её любовником), но требовать ничего не может – сил у неё нет. Несчастливая женщина, и нужно что-то особенное, чтобы резко сломать её отношение к себе, не то быть ей вечным объектом жалости. И даже жалостью никого она не сможет удержать, потому что не стремится, просто не видит такой возможности, только плачет тихонько.

Вот такая вот доля психотерапевта – анализировать свойства личности других людей, которые вовсе не являются твоими клиентами, – прошли бы мимо, ты бы их и не заметил. Но они связаны с твоим клиентом, и так становятся объектами анализа, и думаешь о них, думаешь постоянно, и так становятся они частью твоих исследований, а значит – твоей жизни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.